

Александр Макаров

Марсовские КОТЫ

Александр Макаров

Марсовские коты

<https://litres.ru/74618614>

SelfPub; 2026

Аннотация

На далёком и суровом Марсе семья из чёрных отважных котов учится не просто выживать, а по-настоящему жить среди рыжих склонов, ледяных трещин и яростных бурь. Они находят воду в спрятанном во тьме льду, создают свой маленький музей находок, где у каждого камешка своя история. Открывают удивительное чудо тихий незаметный Марсин — искусственный белок, что растёт из самой газовой среды марсохода и дарит им надежду на долгие годы вперёд. Сквозь холод, ветер и неизвестность они идут плечом к плечу ведь когда рядом те, кто поддержит, даже самая чужая планета становится домом. А главное они понимают их приключения только начинаются!

Содержание

Тёплый угол и запах клея	4
Как приручить чужой мир	11
Песок, камни и свобода	18
Тихий шёпот внутри	24
Когда небо роняет камни	30
Тёплый угол	38
Камень, который светился изнутри	48
Первый шёпот мира	55
Первый прыжок	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Макаров

Марсовские коты

Тёплый угол и запах клея

Рунд обожал свой угол за батареей. Там всегда было ровно столько тепла, чтобы шерсть лежала как надо, и ровно столько тишины, чтобы слышать, как за стеной кто-то тихо шепчет. Он не любил суеты. Он любил, когда всё понятно, миска на месте, лоток чистый, а люди не хлопают дверями.

А потом в лабораторию принесли Лумину.

Её поставили в переноске прямо рядом с его батареей. Рунд сначала даже не посмотрел — только дёрнул ухом, когда дверца щёлкнула. Но потом из переноски раздался голос — спокойный, будто она уже всё про эту комнату знала:

— Тут пахнет клеем. И бедой.

Рунд всё-таки повернул голову. Из темноты переноски на него смотрели два внимательных глаза.

— Тут пахнет рабочим днём, — буркнул он. — И кофе. Никакой беды.

Лумина медленно вышла, потянулась, хрустнув суставами, и села так, будто это она тут хозяйка, а не он.

— Беда не приходит с табличкой, — сказала она. — Она приходит с запахом спирта и с тем, как люди начинают слишком много говорить и слишком мало делать.

Рунд фыркнул. Ему не нравилось, когда кто-то сразу всё понимал. Но ещё больше ему не нравилось, что она была права, люди в белых халатах и правда сегодня говорили слишком много, и в воздухе висело это странное напряжение — как перед грозой, только без ветра.

Он подвинулся. Совсем чуть-чуть. Так, чтобы между ним и батареей осталось место.

— Садись, если хочешь, — проворчал он. — Тут тепло.

Лумина посмотрела на него, будто проверяя, не издевается ли он. Потом кивнула и села. Не вплотную — коты так не делают. Но достаточно близко, чтобы чувствовать чужое тепло.

С этого всё и началось. Не с запуска, не с сирен, не с громких слов. А с того, что два кота нашли один тёплый угол на двоих.

Потом начались сборы. В марсоход грузили коробки, провода, экраны, какие-то штуки, названия которых никто не произносил вслух. И кто-то — Рунд так и не понял кто — сказал:

— Пусть коты посидят тут. Если что-то пойдёт не так, они первыми почувствуют вибрацию.

Рунд тогда не понял, что это значит. Он только знал, что запах клея стал сильнее, а людей — больше.

Лумина прижалась к нему боком.

— Не нравится мне это, — тихо сказала она.

— Мне тоже, — признался Рунд. — Но мы же коты. Мы везде устроимся. Даже если это везде вдруг начнёт трястись.

И оно начало трястись.

Запуск был не про звёзды и не про мечты. Он был про грохот, про то, как пол уходит из-под лап, про то, как хочет-

ся вцепиться когтями хоть во что-нибудь, чтобы не потерять себя. Рунд вцепился в металлический пол. Лумина — в него.

В какой-то момент мир перестал быть понятным. Он стал длинным, тёмным, вибрирующим туннелем, где не было ни батарей, ни мисок, ни привычных запахов. Только металл, холод и звук, от которого хотелось спрятаться.

И тогда Лумина сделала то, чего Рунд никак не ожидал. Она начала вылизывать ему ухо. Прямо посреди этой тряски, когда казалось, что планета забыла, как стоять ровно.

— Ты что делаешь? — прохрипел Рунд, пытаясь не потерять равновесие.

— Возвращаю тебе тебя, — спокойно ответила Лумина, не останавливаясь. — Ты не кусок груза. Ты кот. А коты не исчезают, даже когда всё вокруг сходит с ума.

И Рунд вдруг почувствовал - да, он кот. И если этот железный ящик летит сквозь пустоту, значит, он летит туда не один.

Когда тряска наконец стихла, наступила тишина. Но не та, уютная, как в углу за батареей. А другая — космическая, пустая, звенящая. Рунд осторожно пошевелил усами.

— Мы уже приехали? — спросил он.

Лумина приняхалась. Её нос дёрнулся.

— Почти, — сказала она. — Тут... очень много пространства. И очень мало знакомых запахов.

— Не люблю много пространства, — буркнул Рунд.

— Тогда сделаем его меньше, — предложила Лумина. — Сделаем его нашим.

Они нашли угол, где металл ещё хранил остатки земного тепла. Свернулись клубочками, бок о бок. И пока марсоход готовился к посадке, они просто сидели и дышали — один вдох, второй, третий. Вместе.

Посадка была жёсткой. Марсоход ударился, подпрыгнул, снова ударился — и наконец замер. Долго, с протяжным стоном, будто выдохнул: «Ну вот. Приехали».

Рунд поднял голову. Пахло железом, пылью и чем-то чужим. Лумина посмотрела на него.

— Ну, — сказала она спокойно. — Вот и наш новый угол.

Рунд огляделся. Темно, тесно, повсюду провода и ящики. Но бок Лумины был тёплым. И это было самое главное.

— Ладно, — пробормотал он. — Пусть будет угол. Только... надо сделать так, чтобы тут можно было дышать.

Он подошёл к обшивке, понюхал стык, прислушался к тому, как металл щёлкает, остывая. И начал аккуратно грызть. Не от злости. От необходимости.

Лумина вздохнула, но не стала спорить. Она знала, Рунду нужно слышать, как дышит мир. Даже если этот мир — чужой и красный.

Через какое-то время в обшивке появилась маленькая дырка. Рунд просунул туда нос, втянул воздух — сухой, острый, чужой. Но настоящий.

— Слышишь? — спросил он, оборачиваясь к Лумине. — Он не молчит. Он шепчет.

Лумина подошла, села рядом. Посмотрела на эту дырку, на Рунда, на их новый дом.

— Значит, будем слушать, — сказала она. — И будем де-

лать так, чтобы этот шепот не стал криком.

Они сели рядом, плечом к плечу. За тонкой стенкой марсохода ветер тронул песок, и пыль поднялась лёгким облачком, будто планета осторожно протянула лапу и сказала - Привет. Добро пожаловать.

Как приручить чужой мир

Первые дни на Марсе пахли железом, пылью и тишиной, которая звенела в ушах. Не той уютной тишиной, когда за стеной кто-то тихо дышит, а чужой — пустой, как коробка, из которой вытряхнули всё живое. Рунд не любил эту тишину. Ему казалось, она смотрит на него и ждёт, что он сдастся, станет просто тенью среди ящиков и проводов.

Он ходил по марсоходу, задевая боком холодные панели, и бормотал себе под нос, будто нарочно царапал тишину словами. Пусть знает, думал он, тут не пусто. Тут есть кот, который не любит, когда всё слишком ровно и слишком тихо.

— Ну, ты тут главный, — бурчал он, обходя отсек. — Я понял. Только не делай вид, будто нас тут нет. Мы есть. И мы не собираемся становиться частью обшивки.

Лумина смотрела на него чуть прищурившись, будто пыталась понять, серьёзно он или просто ворчит, чтобы не дрожать. Потом тихо сказала, без всякого нажима

— Ты с ним договариваешься?

Рунд фыркнул, но не стал отнекиваться.

— А что? Он же тут хозяин. Надо поздороваться по-кошачьи. Не лапой, а словом. Пусть знает, что мы вежливые. Но упрямые.

Лумина чуть улыбнулась, совсем незаметно, только кончик уха дрогнул.

— Вежливые, но упрямые — это про нас.

Они учились жить по новым правилам, простым и тяжёлым. Воду берегли, пили по глотку, медленно, чтобы каждый глоток успевал стать чем-то большим, чем просто утолением жажды. В нём пряталась память о Земле — о каплях на листьях, о лужах после дождя, о том, как приятно мочить нос и потом стряхивать капли.

Еду делили ровно пополам. Даже когда Рунду хотелось подвинуть миску к Лумине — ты устала, тебе надо, — он не делал этого. Потому что знал, она не возьмёт. Вместо этого скажет, что он сегодня грыз дырку в обшивке, ему силы нужнее. И они начнут спорить, а время пойдёт, холод подберётся ближе. Поэтому просто делили поровну. Это стало их маленьким правилом, которое держало на ногах.

Песок лез всюду. Скрипел на зубах, оседал на чёрной шерсти, делал их пятнистыми, будто Марс хотел их раскрасить. Рунд сначала злился, шипел на рыжую пыль, словно она была живым хулиганом, который нарочно лезет под лапы.

— Он везде! Ни границ, ни совести!

Лумина тихо смеялась, почти без звука, только плечи чуть вздрагивали.

— Это не хулиган, говорила она. — Это планета. Она просто хочет познакомиться поближе.

И Рунд вдруг понимал, что она права. Песок не хотел обидеть. Он хотел, чтобы его заметили. Тогда Рунд перестал злиться. Вместо этого начал слушать, как песок шуршит по обшивке — по-разному. Иногда как сухой дождь, иногда как осторожные шаги, иногда как шёпот Я тут. Я рядом.

Он учился различать ветер. Тихий, который просто гуляет, не трогая ничего важного. Средний — тот, что тянет за уши и шепчет Пора прятаться. И злой — тот, что приходит с пылью, закрывает небо и делает мир маленьким и серым. Рунд садился у своей дыры, закрывал глаза и слушал. Если ветер начинал подвывать в щелях, он коротко звал Лумину

— Пора закрывать всё, что можно закрыть. Сегодня он не в настроении.

Лумина кивала и начинала собирать всё, что могло улечься. Тряпочки, миски, даже старую гайку, которую нашла в углу и теперь считала своим сокровищем.

Рунд смотрел, как она аккуратно укладывает гайку в самый тёплый угол, и не выдержал

— Зачем ты её таскаешь?

Лумина пожала плечами.

— Она звенит. Если я её потрясу, получается звук. А звук — это не тишина. А я не хочу, чтобы тут была только тишина.

Рунд посмотрел на эту гайку, на Лумину, на их маленький, пыльный, железный дом — и вдруг понял. Они не просто выживают. Они делают тут жизнь. По крупинке. По глотку воды. По одной гайке. По одному разговору с ветром.

Однажды утром Рунд проснулся от странной тишины. Не обычной, а подозрительной — будто мир затаил дыхание. Он сел, пошевелил усами, прислушался. Ветер спал. А когда ве-

тер спит на Марсе, он копит силы.

Тихо позвал Лумину. Та подняла голову, втянула воздух, нос дёрнулся.

— Не слышу, сказала она.

— Вот именно, кивнул Рунд. — Он молчит. А это плохо.

Они начали готовиться. Закрывали щели, которые Рунд сам прогрыз, потому что теперь эти щели могли стать врагами. Укладывали всё, что могло улететь, в ящики. Лумина спрятала свою гайку под подстилку, чтобы её не унесло.

Когда буря пришла, она не кричала. Просто накрыла марсоход тяжёлым одеялом, и мир исчез. Остался только гул, пыль и ощущение, что планета дышит прямо над их головами. Рунд прижался к Лумине, она прижалась к нему. Сидели бок о бок, пока буря ходила вокруг, стучала по металлу и искала щель, чтобы пробраться внутрь.

— Не пустим, тихо сказал Рунд, будто буря могла его услышать. — Это наш дом.

Лумина положила голову ему на плечо.

— Мы хорошие хозяева, сказала она. — Мы его бережём.

Буря бушевала долго, а потом начала стихать. Ветер стал тише, пыль осела, и в стыках снова зазвучал знакомый шёпот. Рунд подошёл к дыре, высунул нос, втянул воздух.

— Всё, сказал он. — Ушёл. Просто поворчал и ушёл.

Лумина вздохнула, не от усталости, а от облегчения.

— Значит, мы справились, сказала она.

Рунд кивнул и вдруг почувствовал, как в груди стало чуть просторнее. Не потому, что буря ушла, а потому, что они её пережили. Вместе.

В тот вечер они сидели у стенки, где металл ещё хранил тепло дня. Лумина достала свою гайку, тихонько позвенела ею — совсем чуть-чуть, чтобы звук не улетел в темноту, а остался тут, с ними.

— Знаешь, сказала она, мне кажется, Марс не такой уж чужой.

Рунд скосил на неё глаз.

— Он просто строгий, согласился он. — И не любит топиться.

Лумина улыбнулась.

— Зато он честный. Сразу показывает, на что способен.

Рунд хотел проворчать про Слишком честный, но не стал. Просто подвинулся ближе, так, чтобы их бока касались друг друга.

— Да, сказал он тихо. — Зато мы знаем, чего от него ждать.

За стенкой ветер снова тронул песок, и пыль поднялась лёгким облачком, будто планета вздохнула и сказала Ладно. Вы держитесь. Я не буду сегодня слишком строгой.

Песок, камни и свобода

Рунд давно косился на люк. Тот стоял тяжёлой преградой, будто нарочно напоминал - тут безопасно, тут стены, тут не надо ничего решать. А Рунду хотелось не безопасности — хотелось почувствовать, как мир дышит сам по себе, без помощи дыр в обшивке. Хотелось услышать, как песок шуршит по-настоящему, а не сквозь металл. Он не говорил этого вслух, но Лумина всё видела по тому, как он замирает у стыка, будто прислушивается к самому краю тишины.

Однажды она просто подошла и села рядом. Не уговаривала, не отговаривала — просто села и сказала тихо, без нажима

— Если ты готов, я тоже готова.

Рунд скосил на неё глаз. В полумраке марсохода её шерсть казалась почти чёрной, только рыжие пылинки вспыхивали, когда она двигалась.

— Там холодно, — буркнул он, будто это был самый серьёзный довод на свете.

Лумина чуть улыбнулась.

— Зато там ветер настоящий. Не тот, что пробирается сквозь щели, а тот, что живёт сам по себе.

Рунд ещё посидел, будто взвешивал всё до последней песчинки. Потом встал, потянулся так, что хрустнули все суставы, и подошёл к люку. Механизм упирался, скрипел, будто обиделся, что о нём вспомнили только сейчас. Рунд толкал, упирался лапами, шипел на неподатливое железо. Лумина не лезла под лапы, но была рядом — и этого хватало. Когда люк наконец поддался, он распахнулся с таким звуком, будто весь марсоход выдохнул: ну вот, наконец-то.

Снаружи пахло иначе. Не железом, не старой изоляцией, не проводами — а чем-то сухим, древним, будто этот запах лежал тут миллионы лет и ждал, когда кто-нибудь его вдохнёт. Рунд замер на пороге, втянул воздух так глубоко, что даже усы дрогнули.

— Ну, — выдохнул он. — Вот он. Настоящий.

Лумина встала плечом к плечу. Её нос тоже дёргался, ловя незнакомые оттенки.

— Он не злой, — сказала она спокойно. — Он просто

большой.

И они шагнули наружу.

Первые секунды они просто стояли, привыкая к простору. Тут не было потолка, не было стен, не было ящиков, за которыми можно спрятаться. Только небо — низкое, рыжее, будто натянутое слишком туго, и песок, который тянулся во все стороны, как море без воды. Рунд пошевелил пальцами лап, чувствуя, как песок просачивается между подушечками, тёплый от дневного солнца и колючий, как сотня крошечных иголочек.

Потом Лумина вдруг присела, подцепила лапой камешек — серый, с острыми гранями — и подтолкнула его вперёд. Камешек покатился, подпрыгивая, и остановился у маленького бугорка. Лумина посмотрела на него, потом на Рунда — и в её глазах мелькнуло что-то озорное, почти детское.

— Поймай, — сказала она негромко, но так, что Рунд сразу понял: это приглашение.

Он фыркнул, будто хотел показать, что не впечатлён, но уже присел, готовый к прыжку. Камешек снова покатился, и Рунд метнулся за ним, пронёсся по песку, взметнув рыжую пыль, и прижал его лапой. Потом поднял голову, торжеству-

юще прищурившись.

Из него вырвалось что-то среднее между урчанием и довольным ворчанием — лучше любого крика.

Лумина рассмеялась — тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали. Она тут же схватила другой камешек, побольше, и бросила его не сильно, а так, чтобы он прокатился рядом, дразня. Рунд снова рванул, песок летел из-под лап, и на секунду он забыл, что он на чужой планете, забыл про запасы, про щели в обшивке, про всё, что заставляло его быть серьёзным. Он был просто котом, который гонится за камешком по тёплому песку.

Они бегали, валялись, зарывались в песок так, что становились почти одного цвета с планетой. Лумина ныряла в небольшие ложбинки, выгребала песок лапами, устраивая себе крошечную пещеру, и выглядывала оттуда, блестя глазами. Рунд подкатывал к ней камешки, а она отбивала их лапой, как мячик, и смеялась своим беззвучным смехом. Они находили странные камушки — гладкие, будто отполированные ветром, с прожилками, похожими на молнии, и складывали их в небольшую кучку, как сокровища. Для них это и были сокровища — не золото и не бриллианты, а то, что они нашли сами, своими лапами, на этой красной земле.

Когда силы начали уходить, они упали рядом друг с другом, бок о бок, тяжело дыша, с песком в шерсти и на усах. Рунд повернул голову и посмотрел на Лумину. Её нос был в пыли, на ухе прилип крошечный камешек, а глаза светились.

— Мы сделали это, — сказал он тихо, не для Марса, не для кого-то ещё, а только для неё. — Мы вышли. И мы не испугались.

Лумина потянулась, стряхнула с себя песок и положила голову ему на плечо.

— Я и не боялась, — призналась она. — Пока ты рядом, тут не страшно. Даже если планета огромная.

Рунд прикрыл глаза, чувствуя, как остывающий песок всё ещё хранит тепло дня, как ветер гладит шерсть — не злой, а ласковый, будто тоже радуется, что они наконец выбрались. Он обнял Лумину передней лапой, притянул чуть ближе, чтобы между ними не осталось ни миллиметра холода.

— Тут только мы, — прошептал он. — И никто больше. Только мы, песок, камни и этот странный, красивый мир.

Лумина вздохнула, уютно, по-домашнему, и уткнулась носом ему в шею.

— И этого достаточно, — сказала она. — Больше ничего не нужно.

Ветер тронул их шерсть, песок тихонько шуршал, пересыпаясь, и в этом звуке не было угрозы. Только простор. Только свобода. Только два кота, которые нашли свой кусочек Марса и сделали его своим.

Тихий шёпот внутри

День выдался спокойный. Буря ушла ещё ночью, оставив после себя прозрачное небо и песок, улегшийся ровными волнами, будто кто-то аккуратно разгладил одеяло. Рунд сидел у своей дыры, слушал, как остывает металл, и думал, что сегодня ветер не будет злиться. Он даже позволил себе чуть-чуть расслабиться — вытянул лапы, прикрыл глаза и почти задремал, когда почувствовал, что рядом стало как-то иначе. Не холоднее и не теплее, а будто тише. Будто весь марсоход на секунду задержал дыхание.

Лумина села рядом, но не вплотную, как обычно, а чуть в стороне, будто хотела сначала что-то сказать, а потом передумала и решила просто посидеть. Она не шевелилась, только нос её чуть подрагивал, ловя запахи, которые Рунд давно перестал замечать — запах пыли, старого железа, их собственной шерсти, смешанной в один привычный аромат.

Рунд приоткрыл один глаз, покосился на неё.

— Ты чего? — спросил он негромко, чтобы не спугнуть эту странную тишину. — Ветер тебя чем-то обидел?

Лумина чуть качнула головой, но не ответила сразу. Вместо этого она опустила лапы на холодный металл, будто проверяя, насколько он остыл, и вдруг сказала так тихо, что слова будто не летели в воздух, а сразу ложились на шерсть, становясь частью их маленького мира

— Я теперь не одна, — прошептала она. — Внутри меня кто-то есть. Совсем крошечный. Но настоящий.

Рунд замер. Даже усы перестали шевелиться. Он не сразу понял, что она сказала, потому что слова были слишком тихие, слишком хрупкие, будто могли рассыпаться от любого резкого звука. Он медленно повернул голову, посмотрел на Лумину — и вдруг заметил то, чего не видел раньше: в её глазах было не напряжение, не страх, а какая-то новая мягкость, будто она уже кого-то берегла, даже не зная, кто это.

Он сел, подобрал лапы, будто боялся, что любое движение может что-то сломать.

— Это... — начал он, но голос подвёл, стал хриплым, и он попробовал снова. — Это значит, скоро будет кто-то ещё. Кто-то, кто будет бегать по песку и гоняться за камешками.

Лумина кивнула, не поднимая головы.

— Да, — сказала она. — И ему нужно, чтобы тут было спокойно. Чтобы ветер не злился, чтобы металл не скрипел слишком громко, чтобы мы просто сидели и дышали.

Рунд вдруг почувствовал, как в груди что-то сжалось — не от страха, а от огромной, тёплой тяжести, будто на него положили самое дорогое, что только можно доверить, и сказали: береги. Он посмотрел на свою дыру в обшивке, на щель, через которую всегда слушал планету, и впервые подумал, что, может быть, сегодня не стоит слушать ветер. Сегодня стоит слушать тишину.

Он медленно подвинулся ближе, не вплотную, чтобы не напугать, но так, чтобы Лумина чувствовала — он здесь.

— Тогда пусть будет тихо, — сказал он спокойно, будто отдавал приказ самому Марсу. — Пусть ветер ходит по песку на мягких лапах. Пусть металл остывает без скрипа. Пусть тут будет столько тишины, сколько нужно.

Лумина наконец подняла глаза и посмотрела на него. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на улыбку, только не губами, а всем телом — будто она выдохнула и поняла, что теперь не нужно держать всё в себе.

— Спасибо, — прошептала она. — Мне важно, чтобы ты

знал. Не чтобы ты всё исправил, а чтобы просто знал. И был рядом.

Рунд кивнул. Он не стал говорить громких слов. Вместо этого он осторожно положил лапу поверх её лапы — не сильно, просто чтобы почувствовать тепло, которое теперь хранило не только её, но и кого-то ещё.

— Я буду рядом, — сказал он. — Буду слушать не ветер, а то, как тут становится тише. Буду закрывать щели, чтобы холод не пробрался. Буду делить воду так, чтобы тебе доставалось чуть больше. И буду просто сидеть. Так, чтобы ты чувствовала — ты не одна.

Лумина закрыла глаза, втянула воздух и вдруг улыбнулась по-настоящему — тихо, беззвучно, но так, что Рунд увидел это по тому, как расслабились её плечи.

— Знаешь, — сказала она чуть слышно, — мне не страшно. Потому что если тут будет кто-то маленький, ему нужен не просто дом. Ему нужен мир, в котором есть ты. Мир, где ворчливый кот учит ветер вести себя прилично.

Рунд фыркнул, но в этом фыркание не было раздражения — только попытка спрятать то, как сильно у него бьётся сердце.

— Ну, я не то чтобы учу, — пробормотал он. — Просто напоминаю, кто тут хозяин.

Они посидели так, бок о бок, пока снаружи песок тихонько шуршал, пересыпаясь, а металл щёлкал, остывая. И в этой тишине, которую Рунд теперь старался беречь, появилось что-то новое — не пустота, а наполненность. Будто в их маленьком железном доме стало чуть больше жизни, и она ещё не умела шуметь, но уже умела быть.

Лумина осторожно прислонилась к нему, не тяжело, а так, будто искала опору, которая никогда не подведёт. Рунд прикрыл её своим боком, защищая от сквозняка, который всё равно пытался пробраться сквозь старые стыки.

— Мы справимся, — тихо сказал он, больше для себя, чем для неё. — Мы сделаем тут место, где будет тепло и спокойно. Где маленький кто-то сможет вырасти и однажды сам побежать по песку, гоняясь за камешками.

Лумина вздохнула, уютно, по-домашнему, и прошептала

— Да. Мы сделаем.

Ветер снаружи тронул песок, но на этот раз не с грохо-

том, а осторожно, будто тоже услышал и решил не шуметь. И в этом тихом шелесте не было угрозы — только обещание, планета не прогонит, планета подождёт, планета даст им время сделать свой маленький уголок самым надёжным местом во всей вселенной.

Когда небо роняет камни

Рунд привык к тишине Марса — к её сухому шелесту, к тому, как она ложится на шерсть, будто тёплый плед. Он знал каждый её оттенок: когда ветер только собирается злиться, когда песок решает поиграть и ползёт по полу тонкой змейкой, когда металл вздыхает, остывая после долгого дня. Но этой тишины он не знал. Она была не спокойной, а натянутой, звенящей, будто кто-то туго скрутил воздух и держал, не давая ему дышать.

Он поднял голову, и в тот же миг небо раскололось. Не молнией — молний тут не бывает. А чем-то тяжёлым, огненным, рвущимся вниз, будто сама вселенная уронила что-то слишком большое, чтобы удержать. Полоса огня прорезала рыжую тьму, потянула за собой хвост из искр и дыма, и мир на долю секунды стал ослепительно ярким — таким ярким, что Рунд на мгновение ослеп и почувствовал себя крошечным, почти невидимым на фоне этой громады.

А потом пришёл звук. Он не прилетел сверху — он родился прямо в груди, в костях, в самом сердце планеты. Низкий, густой, злой, он прокатился по земле, заставил марсоход вздрогнуть, будто тот попытался отшатнуться, и ударил

по ушам так, что внутри всё сжалось. Рунд не думал — он рванулся. Лапы сами несли его туда, где была Лумина, туда, где жило то, что нужно было защитить даже ценой собственной шерсти, собственной тишины, собственной гордости.

Лумина стояла у стены. Не сжавшись в комок, не закрыв глаза — она смотрела прямо на вспышку, будто хотела запомнить её, чтобы потом сказать: я видела, как падает небо. В её взгляде не было паники — только решимость не рассыпаться, не исчезнуть, не дать страху забрать то, что сейчас было важнее всего. Рунд прыгнул, накрыл её собой, прижал к себе так крепко, как только мог, будто хотел своим телом закрыть не только её, но и тот крошечный, тихий мир, который рос внутри.

Земля ударила снизу — тяжело, зло, будто обиделась, что кто-то посмел жить на её поверхности. Марсоход качнулся, металл застонал, по полу прокатилась дрожь, и пыль взметнулась стеной — рыжая, горячая, злая. Она закрыла небо, закрыла звёзды, закрыла даже запах железа, который всегда висел тут, как старая привычка. Рунд прижимал Лумину к себе, чувствовал, как она дышит — быстро, но ровно, будто специально держала ритм, чтобы он не сорвался в панику.

— Держись, — выдохнул он, хотя слова почти тонули в гуле. — Держись. Мы тут. Мы не улетим.

Когда пыль начала оседать, гул не ушёл — он просто стал тише, как зверь, который устал рычать, но ещё не лёг. Рунд осторожно приподнял голову. Вдали чернела свежая воронка. Края её дымились, камень плавился и застывал причудливыми волнами, будто планета пыталась залатать рану, но не знала, как это сделать красиво. Оттуда тянуло жаром и горечью — запахом чужого, незнакомого разрушения, от которого шерсть вставала дыбом.

Лумина тихо выдохнула. Рунд почувствовал, как её дрожь понемногу становится другой — не от страха, а от того, сколько силы она в себе держит, чтобы не рассыпаться.

— Он упал, — прошептала она. — Но не на нас.

Рунд кивнул, будто это была самая важная истина, которую нужно было произнести вслух, чтобы она стала настоящей.

— Не на нас, — повторил он твёрже, чем чувствовал. — Мы удержались.

Он посмотрел на неё, на её чуть опущенные плечи, на то, как она старается казаться спокойной, и вдруг понял: сейчас нельзя просто сидеть и ждать, пока дрожь уйдёт. Сейчас

нужно сделать что-то такое, что вернёт им ощущение мира, где можно дышать.

Рунд медленно отошёл, не выпуская Лумину из поля зрения, и подошёл к люку. Тот всё ещё подрагивал от удара, будто сам переживал случившееся. Рунд толкнул его, не сильно, но уверенно, и выглянул наружу. Небо было разорвано — не навсегда, но на эту ночь оно стало чужим, с тёмными прорезами там, где раньше были ровные полосы звёзд. Но звёзды всё равно горели — упрямые, маленькие, будто специально зажглись, чтобы сказать: мы тут, мы не бросили.

Рунд вышел наружу, не оглядываясь, но зная, что Лумина следит за ним. Он встал на краю марсохода, поднял голову и вдруг заговорил — не шёпотом, не ворчанием, а громко, так, чтобы слова не терялись в ветре, а летели вверх, к этим упрямым звёздам.

— Эй, — крикнул он, и голос его дрогнул, но не сломался. — Вы там, наверху. Вы всё видите. Пусть этот камень упал, пусть земля дрожала, пусть пыль закрыла небо. Но пусть с нами будет всё хорошо. Пусть Лумина и тот, кто растёт внутри неё, будут в безопасности. Пусть ветер не станет злым, пусть песок не будет кусаться, пусть этот дом просто стоит и не разваливается. Я не прошу чудес. Я прошу просто... пусть будет тихо. Пусть будет спокойно. Пусть мы сможем дышать.

Слова повисли в воздухе, смешались с остывающим ветром, и Рунду показалось, что небо чуть-чуть прислушалось. Звёзды будто стали ярче, будто кивнули: мы услышали.

Он опустил голову, втянул воздух и вдруг почувствовал, как страх, сжимавший грудь, чуть ослабил хватку. Не ушёл — он был тут, прятался в тенях, шевелил усами, напоминал о себе. Но теперь он был не главным. Главным стало другое — то, что они живы, что они рядом, что маленький кто-то внутри Лумины всё ещё тихо живёт, не зная ни про метеориты, ни про страх, ни про то, как тонко натянута нить их жизни.

Рунд вернулся к люку, остановился на пороге и тихо позвал

— Иди сюда. Не бойся. Тут всё ещё наш дом. И он держится.

Лумина вышла. Она двигалась осторожно, будто боялась, что любое резкое движение снова разбудит этот грохот. Но она вышла. Встала рядом с Рундом, подняла голову и посмотрела на звёзды. Её нос чуть дёрнулся, ловя запахи остывающего песка и далёкой воронки.

— Они слышали, — сказала она тихо, почти шёпотом.
— Я чувствую. Они не оставят нас одних.

Рунд фыркнул, но в этом фыркание не было насмешки — только попытка спрятать, как сильно бьётся сердце.

— Ну, они же звёзды, — пробормотал он. — Им положено смотреть. Главное, чтобы они ещё и берегли.

Лумина чуть улыбнулась, не широко, а так, будто улыбка была слишком хрупкой для этого вечера. Она прислонилась к Рунду, не тяжело, но так, чтобы чувствовать его тепло, его дыхание, его уверенность, которая сейчас была важнее любых слов.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что ты не стал делать вид, будто ничего не случилось. За то, что вышел и попросил. За то, что не оставил меня одну с этим страхом.

Рунд прикрыл глаза, вдохнул запах песка, пыли и её шерсти — самый родной запах на этой чужой планете.

— Я никогда тебя не оставлю, — сказал он спокойно. — Даже если небо будет падать. Даже если земля будет дрожать. Даже если весь Марс решит, что мы тут лишние. Я буду стоять рядом. И буду просить звёзды, чтобы они нас не броси-

ли. А если не услышат — я сам буду держать небо, сколько смогу.

Они стояли так, плечом к плечу, пока песок тихонько шуршал, пересыпаясь, а металл остывал, щёлкая, будто вздыхал после пережитого. Воронка вдали всё ещё дымилась, но свет её становился тусклее, а тьма вокруг — не такой непроглядной. И в этой тьме звёзды горели ровно, будто обещали: мы смотрим. Мы помним. Мы не дадим упасть.

Лумина вздохнула, и в этом вздохе было не отчаяние, а облегчение — тихое, осторожное, как первый шаг после долгого страха.

— Знаешь, — сказала она чуть слышно, — когда всё грохнет, самое важное — это кто стоит рядом. Кто не убегает. Кто смотрит в небо и просит за тебя. Кто просто держит тебя своим боком, чтобы ты чувствовала — ты не одна.

Рунд чуть наклонил голову, коснулся её уха своим, совсем на мгновение, будто ставил невидимую метку: я тут.

— Да, — прошептал он. — И ещё важнее то, что скоро нас станет больше. И этот кто-то должен знать: тут есть кот, который не даст ветру быть слишком злым. И есть кошка, которая умеет делать тишину тёплой. И вместе они могут

удержать целый мир.

Ветер тронул их шерсть, не грубо, а осторожно, будто извинялся за то, что позволил камню упасть. Песок шуршал, звёзды горели, и в этой ночной симфонии, где ещё звенели отголоски удара, уже пробивалась другая мелодия — тихая, домашняя, полная заботы и надежды.

Тёплый угол

Утро пришло не мягко, не по-домашнему, а с колючим ветром, который тыкался в щели, будто проверял, где теперь теньше. Рунд проснулся первым. Он не вскочил, не рванулся к люку — просто открыл глаза и долго лежал, слушая, как марсоход вздыхает. Металл ещё помнил удар: где-то щёлкал, где-то скрипел, будто жаловался на то, что его потряхнули. Но самое главное — он стоял. Не развалился. Держал крышу над их головами.

Лумина спала рядом, прижавшись боком, и во сне чуть поджимала лапы, будто хотела стать меньше, чтобы занимать меньше места и меньше тревожить мир. Рунд смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается не страх, а что-то упрямое и тёплое — желание сделать так, чтобы этот дом стал не просто укрытием, а местом, где крошечный кто-то сможет расти спокойно.

Он осторожно поднялся, стараясь не скрипнуть полом, и подошёл к ближайшей щели. Сквозь неё тянуло холодом, и ветер шептал что-то резкое, будто хотел напомнить: я тут, я не ушёл. Рунд присел, потрогал края обшивки — металл был шершавым, с зазубринами, будто сам пытался зацепиться за

что-то, чтобы не разойтись. Он посмотрел на эту щель, потом на кучу обломков в углу — куски железа, оплавленные по краям, старые панели, которые когда-то казались мусором. Теперь они выглядели иначе. Теперь они были щитами.

Лумина проснулась, когда он уже тащил первый кусок. Она села, потянулась, стряхнула с шерсти остатки вчерашнего песка и посмотрела на Рунда так, будто сразу поняла, что он задумал.

— Ты хочешь закрыть всё, — сказала она спокойно, без удивления. — Чтобы холод не пробирался.

Рунд фыркнул, но в этом фыркание не было раздражения — только попытка спрятать серьёзность.

— Не хочу, чтобы он тут хозяйничал, — буркнул он. — Пусть гуляет снаружи, если ему так нравится. А тут пусть будет тепло.

Они начали работать. Не спеша, не суетливо, а так, будто каждое движение должно быть правильным, потому что от него зависит тишина. Рунд подтаскивал куски обшивки, тяжёлые и неудобные, а Лумина подбирала камни — не любые, а те, что лежались ровно, будто сами хотели стать частью стены. Они вставляли панели в щели, прижимали их камнями,

подкладывали тряпки, чтобы металл не гремел. Каждый раз, когда удавалось закрыть очередную дыру, Рунд будто становился чуть выше, будто говорил миру: видишь, я умею держать.

Иногда металл не слушался, соскальзывал, и тогда Рунд шипел на него, как на упрямого кота, а Лумина тихо смеялась — не над ним, а над тем, как серьёзно он воюет с железом.

— Он не виноват, — говорила она, подбирая ещё один плоский камень. — Он просто устал.

— Пусть устаёт снаружи, — ворчал Рунд, но уже без злости. — А тут пусть держится.

К полудню они закрыли самые большие щели. В марсоходе стало тише. Ветер больше не свистел в стыках, а только шептал где-то далеко, будто понял, что сюда ему вход закрыт. Рунд сел на пол, вытянул лапы и вдруг почувствовал, как тепло, которое копилось внутри, выходит наружу и делает этот угол почти уютным.

Лумина села рядом, прислонилась к нему боком и вздохнула — не устало, а спокойно, будто впервые за долгое время смогла выдохнуть без напряжения.

— Теперь тут можно дышать, — сказала она. — И не бояться, что холод подкрадётся.

Рунд кивнул, посмотрел на их рукотворную стену и вдруг понял, что это не просто куски железа и камни. Это их защита. Их обещание: мы не дадим миру сломать то, что нам дорого.

Потом они сидели в этом тёплом углу и смотрели, как свет ложится на пол косыми полосами. И в этой тишине, которая теперь была не пустой, а наполненной их стараниями, Лумина вдруг тихо сказала

— Надо придумать ему имя. Или ей. Чтобы, когда он появится, мы уже знали, как звать.

Рунд чуть скосил на неё глаз.

— Имя, — повторил он, будто пробовал слово на вкус. — А если мы ошибёмся? Если ему не подойдёт?

Лумина чуть улыбнулась.

— Тогда придумаем другое. Или будем звать так, как ему больше нравится. Но пусть будет хоть какое-то. Пусть у него

будет свой звук, своё слово, которое мы будем произносить, когда хотим его позвать.

И они начали перебирать имена. Не громкие, не героические, а такие, в которых было тепло и песок, и ветер, и тихий шорох лап по металлу.

— Может, Песчинка, — предложила Лумина. — Потому что он такой же маленький, и всё вокруг для него — огромный мир.

Рунд поморщился, будто попробовал что-то кислое.

— Песчинка... звучит так, будто его можно сдуть. А он должен быть крепким. Пусть даже маленьким, но крепким. Как тот камень, что ты вчера притащила.

— Тогда Камушек, — улыбнулась Лумина.

— Слишком твёрдо, — проворчал Рунд. — Как будто он весь из острых углов. А он... он должен быть мягким. Пока ещё.

— Значит, Пушок, — сказала Лумина, и в её голосе было столько нежности, что Рунд не смог возразить сразу.

— Пушок... — протянул он. — Ну, если только он действительно будет пушистым. А если нет? Если у него шерсть будет лежать ровно, как у меня?

— Тогда он будет Пушком, который ещё не распушился,
— спокойно ответила Лумина. — Всё равно будет Пушок.

Рунд хотел поспорить, хотел сказать, что имя должно быть серьёзнее, но вдруг увидел, как Лумина смотрит на свой живот, будто прислушивается к чему-то очень тихому, и понял, что серьёзность тут не главное. Главное — чтобы в этом имени было тепло.

— Ладно, — пробормотал он. — Пусть будет Пушок. Но если он вырастет и станет большим и грозным, мы скажем, что это было временное имя. Для малыша.

Лумина рассмеялась — тихо, беззвучно, только плечи чуть дрогнули.

— Договорились. Временное. Пока он не скажет сам, как его звать.

Но потом они придумали ещё несколько имён, будто хотели иметь выбор, будто хотели, чтобы у малыша было много дверей, и он мог выбрать ту, что ему ближе.

— Ветер, — сказала Лумина. — Чтобы он умел слышать, как шепчет песок.

— Гром, — пробурчал Рунд. — Чтобы никто не думал, что он слабый.

— Искра, — добавила Лумина. — Чтобы в нём всегда было что-то яркое.

— Тень, — сказал Рунд. — Чтобы умел прятаться, когда надо.

Они спорили, но не сердито, а как спорят те, кто знает, что спор — это просто способ сказать: мне важно, каким он будет. Рунд хотел, чтобы малыш был сильным, умел держать удар, не пугался грохота. Лумина хотела, чтобы он был чутким, умел замечать маленькие радости — камешек с прожилками, тёплый угол, тихий шорох.

В какой-то момент Рунд поймал себя на том, что улыбается. Не широко, не так, чтобы все видели, а чуть-чуть, только для себя и для Лумины.

— Знаешь, — сказал он тихо, — пусть будет Пушок. Просто Пушок. Потому что сейчас он именно такой. Маленький,

тёплый, и ему нужно, чтобы его звали так, будто он уже дома.

Лумина кивнула, и в её глазах было столько благодарности, что Рунду стало неловко, и он сразу добавил, будто оправдываясь

— Но если он потом захочет Гром — я не буду спорить. Пусть будет Гром. Или Искра. Или вообще придумает себе имя сам.

— Главное, что у него будут мы, — тихо сказала Лумина. — И этот угол. И камни, которые ты сложил. И тишина, которую ты так старательно бережёшь.

Рунд посмотрел на их стену из обломков и камней, на щели, которые теперь не пропускали холод, на тёплый свет, который лежал на полу, и вдруг понял: дом — это не стены. Дом — это когда ты знаешь, что рядом тот, кто не даст миру сломать тебя. И когда ты сам делаешь всё, чтобы защитить тех, кто тебе дорог.

Они посидели ещё немного, пока песок снаружи шуршал, пересыпаясь, а металл остывал, щёлкая, будто рассказывал им свои старые истории. И в этом тихом разговоре железа и песка Рунд вдруг почувствовал, что страх ушёл не навсегда, но спрятался куда-то далеко, туда, где не может дотянуться

до их тёплого угла.

— Завтра, — сказал он спокойно, — мы закроем ещё одну щель. Ту, что у люка. Чтобы, если ветер разозлится, он не смог пробраться внутрь.

Лумина улыбнулась.

— А я найду ещё один камень. Плоский, чтобы лежал ровно.

— И тряпку, — добавил Рунд. — Чтобы не гремело.

— И ещё одно имя, — тихо сказала Лумина. — На всякий случай.

Рунд фыркнул, но уже с улыбкой.

— Только не Гром. Пусть пока будет Пушок.

— Хорошо, — согласилась Лумина. — Пока Пушок.

И в этом «пока» было не сомнение, а обещание: они будут придумывать, будут спорить, будут искать то самое слово, в котором поместится весь их маленький мир. И пока они это делают, пока сидят бок о бок, закрывая щели и выбирая име-

на, мир снаружи становится чуть менее страшным, потому что внутри есть тепло, есть забота, есть два сердца, которые бьются рядом и не дают холоду пробраться внутрь.

Камень, который светился изнутри

Дни шли, и марсоход понемногу становился не просто железной коробкой, а домом. Рунд каждый раз, проходя мимо очередной щели, будто проверял её взглядом: держится ли, не пробрался ли холод, не шепчет ли ветер что-то дерзкое. Лумина собирала камни — не любые, а те, что ложились ровно, будто сами хотели стать частью стены. Они уже почти привыкли к этому ритму: шаг, подбор камня, тихий разговор, в котором не было спешки, но была уверенность, что они делают всё правильно.

В тот день ветер был не злым, а задумчивым — он не швырял песок, а пересыпал его, будто перебирал бусины. Рунд вышел наружу, не чтобы сбежать от тишины, а чтобы проверить, как ведёт себя песок возле воронки — не ползёт ли он слишком близко, не грозит ли засыпать их уютный угол. Лумина не пошла следом — она осталась внутри, где было спокойно и тепло, где металл уже не скрипел без причины. Но она смотрела на Рунда из люка, и в её взгляде было столько доверия, что он даже расправил плечи чуть шире, будто хотел показать: я тут, я всё держу.

Рунд шёл медленно, приносясь к запахам — к горечи,

которая ещё висела в воздухе от упавшего камня, к сухому теплу песка, к чему-то новому, едва уловимому, будто планета тихо шептала ему что-то на ухо. И вдруг он замер. Не от страха, не от шороха, а от света.

Среди рыжего песка, среди серых и бурых камней, лежал один — не такой, как все. Он не блестел на солнце, как осколок стекла. Он будто светился изнутри — мягким, прохладным светом, будто в нём жила маленькая звезда, которая не хотела быть громкой, а хотела просто согреть. Рунд присел, осторожно поддел камень лапой, перевернул. С изнанки он был обычным — шершавым, тёплым от солнца, ничем не примечательным. Но стоило повернуть его правильной стороной — и он снова начинал светиться, будто шептал: я тут, возьми меня.

Рунд не стал думать долго. Он подхватил камень, прижал к груди, чтобы ветер не выбил его из лап, и пошёл обратно, чувствуя, как этот тихий свет будто прокладывает ему дорогу.

— Смотри, — сказал он, вбегая внутрь и чуть не задев плечом край люка. — Я нашёл. Он светится. Не снаружи, а изнутри. Как будто кто-то зажёл в нём огонёк и сказал: пусть будет тепло.

Лумина наклонила голову, посмотрела на камень, потом на Рунда, будто проверяла, не устал ли он, не померещилось ли ему. Но потом она протянула лапу, коснулась камня — и её глаза стали шире.

— Он правда светится, — прошептала она. — Не ярко, не дерзко, а так... будто знает, что не нужно кричать, чтобы быть замеченным.

Рунд сел рядом, положил камень между ними, и тот тихо мерцал, будто дышал.

— Бликс, — вдруг сказала Лумина, не глядя на Рунда, а будто прислушиваясь к самому слову. — Пусть будет Бликс. Потому что он бликует, светится, но не слепит. Потому что в нём есть свет, но нет холода.

Рунд хмыкнул, будто хотел сделать вид, что это слишком просто, но слово уже легло ему на язык и не хотело уходить.

— Бликс, — повторил он, пробуя его на вкус. — Да. Подходит. Он не кричит, не требует внимания, но если присмотреться — он самый заметный. Как тот, кто тихо сидит в углу и всё равно делает мир светлее.

Лумина улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла,

что даже камень будто засиял чуть ярче.

— Пусть будет Бликс, — сказала она тихо. — И пусть он будет нашим оберегом. Пусть хранит наш угол, пока... пока наш малыш не появится.

И в этот момент что-то изменилось. Не снаружи — внутри. Лумина вдруг замерла, её глаза чуть расширились, а потом она медленно опустила лапы на пол, будто искала опору. Рунд вскочил, но не рванулся к ней, а сел рядом, не дыша, будто боялся спугнуть этот миг.

— Что? — прошептал он, и голос его стал тихим, почти неслышным. — Что случилось?

Лумина посмотрела на него, и в её взгляде не было страха. Там была тишина — глубокая, спокойная, как перед рассветом.

— Он пришёл, — сказала она так просто, будто сообщала, что снаружи пошёл песок — не дождь, а песок, и это нормально. — Он тут. Он решил, что пора.

Рунд замер, и весь мир будто тоже замер вместе с ним. Даже камень перестал мерцать на долю секунды, будто прислушивался. А потом снова засиял — мягко, уверенно, буд-

то говорил: я тут, я держу свет.

Бликс родился.

Он не кричал, не требовал внимания, не рвался наружу — он просто пришёл, тихо и спокойно, будто знал, что его ждут. Лумина дышала ровно, и в этом дыхании была сила — не та, что ломает, а та, что бережёт. Рунд сидел рядом, не шевелясь, только его усы чуть подрагивали, будто пытались запомнить этот запах, этот свет, этот миг, чтобы потом, когда всё станет обычным, он мог закрыть глаза и снова почувствовать: он тут, он родился, он наш.

Когда всё закончилось, Лумина устало, но счастливо улыбнулась и посмотрела на Рунда.

— Видишь, — прошептала она. — Он пришёл. И он такой тихий, будто сразу понял, что тут нужно беречь тишину.

Рунд кивнул, не доверяя своему голосу, и осторожно коснулся маленького комочка, который лежал у Лумины. Бликс чуть пошевелился, будто проверял мир на ощупь, и вдруг уткнулся носом в её шерсть, будто говорил: тут тепло, тут мой дом.

Камень тихо мерцал рядом, будто радовался. Рунд по-

смотрел на него, потом на Лумину, потом на Бликса — и вдруг почувствовал, как в груди становится тесно от чего-то огромного и тёплого, что не умещается в словах.

— Теперь у нас есть Бликс, — сказал он тихо, будто боялся, что слово разобьётся, если сказать его громко. — И он такой, каким должен быть. Не громкий, не дерзкий, а свой. Наш.

Лумина потянулась, осторожно коснулась его лапы своей, и в этом касании было всё: благодарность, усталость, счастье и обещание: мы справились.

— Да, — прошептала она. — Наш Бликс. И теперь у него есть дом. И есть мы. И этот камень, который светится, будто говорит: я тут, я берегу вас.

Они посидели так, втроём, пока песок снаружи шуршал, пересыпаясь, а металл остывал, щёлкая, будто рассказывал им свои старые истории. И в этом тихом разговоре железа и песка, в этом мягком свете камня, в этом крошечном комочке, который уже доверчиво прижимался к Лумине, было всё, что нужно: дом, тепло и тот самый свет, который не слепит, а согревает.

Ветер тронул их шерсть, не грубо, а осторожно, будто из-

винялся за все свои прошлые порывы. Песок шуршал, звёзды горели, а в их маленьком уголке стало на одно сердце больше — тихое, тёплое, своё.

Первый шёпот мира

Тишина в марсоходе стала другой. Раньше она была насторожённой, будто прислушивалась к каждому шороху снаружи, ждала подвоха. А теперь в ней поселилось что-то мягкое, тёплое, живое. Она не прогоняла звуки — она обнимала их, делала тише, чтобы не спугнуть самое главное.

Бликс лежал у груди Лумины, свернувшись крошечным комочком, и дышал так ровно, будто уже знал: тут безопасно. Его шерсть была не такой, как у Рунда — не жёсткой, не гладкой, а пушистой, будто кто-то специально насыпал на него немного звёздной пыли. Лумина сидела, почти не шевелясь, только иногда чуть поворачивала голову, чтобы посмотреть на Рунда, и в её взгляде было столько счастья, что он отводил глаза, будто боялся, что оно его ослепит.

Рунд не знал, что делать с этим счастьем. Оно было слишком большим для его привычной ворчливости, слишком хрупким для его тяжёлых лап. Он ходил по марсоходу, проверял щели, трогал камни, будто хотел убедиться, что всё держится, что мир не рассыплется прямо сейчас, когда в нём появился тот, кто ещё не умеет держаться сам.

Потом он сел рядом, осторожно, чтобы не качнуть пол, и посмотрел на Бликса. Тот приоткрыл глаза — не широко, не по-взрослому, а так, будто проверял: а правда ли тут есть свет? И правда — рядом тихо мерцал тот самый камень. Рунд заметил это сразу: стоило Бликсу чуть пошевелиться, как свет в камне становился чуть ярче, будто камень узнавал его, будто говорил: я тут, я берегу.

— Смотри, — тихо сказал Рунд, наклоняясь так низко, что его усы почти касались пола. — Видишь? Камень светится. Не просто так, не от солнца. Он будто тебя чувствует. Будто знает, что ты тут, и хочет, чтобы тебе было светло, даже если снаружи темно.

Бликс не ответил — он ещё не умел говорить, но он потянулся носом к свету, будто хотел запомнить этот запах: тёплый камень, тихая пыль, запах дома. Рунд улыбнулся — чуть-чуть, только уголками рта, чтобы не выглядеть слишком нелепо.

— Тут всё не такое, как кажется, — продолжил он, будто теперь у него появилась причина объяснять мир. — Песок, например. Он не просто лежит. Он живёт. Днём он греется, ночью остывает, а когда ветер приходит, он начинает шептать. Не слова, нет — просто звуки, будто рассказывает старые истории. И важно их слушать. Не чтобы понять, а чтобы

знать: мир тут, он дышит, он не забыл про нас.

Лумина тихо фыркнула, но в этом фыркание не было насмешки — только нежность.

— Он ещё не понимает слов, — прошептала она. — Но он понимает голос.

Рунд чуть нахмурился, будто обиделся, что его поучают, но тут же смягчился.

— Тогда пусть понимает голос, — согласился он. — Пусть знает мой голос. И твой. И этот шёпот песка. И даже скрип металла — он тоже часть дома.

Он протянул лапу, осторожно коснулся крошечного уха Бликса — совсем на мгновение, будто ставил невидимую метку: я тут.

— А ветер, — продолжал он, уже спокойнее, будто разговаривал не с котёнком, а с самим собой, — ветер бывает злым. Он швыряет песок, царапает металл, хочет, чтобы мы его боялись. Но мы не будем. Мы будем слушать его, но не позволим ему сломать наш угол. Мы будем держать дверь закрытой, а тишину — тёплой.

Бликс чуть поёрзал, уткнулся носом в шерсть Лумины и снова замер, будто сказал: я слушаю. И камень в этот момент вспыхнул чуть ярче — не резко, не ослепительно, а так, будто кивнул: я тоже слушаю.

Рунд посмотрел на него и вдруг почувствовал, как в груди становится тесно от чего-то огромного и спокойного.

— Жаль, что тут нет мышей, — пробормотал он, будто оправдываясь за то, что мир такой пустой. — Я бы тебе показал, как их выслеживать. Как замирать, когда песок чуть шевельнётся, как ждать, пока тень дрогнет. Как понимать мир не глазами, а ушами и носом. Тут бы ты научился всему этому...

Лумина мягко коснулась его лапы своей.

— Зато тут есть песок, который шепчет, — сказала она. — И ветер, который учит терпению. И металл, который помнит каждый наш шаг. И камень, который светится, когда ты рядом. И мы. Этого хватит, чтобы он вырос настоящим.

Рунд хотел поворчать, что «настоящий» — это тот, кто умеет охотиться, но вдруг понял, что она права. Настоящий — это тот, кто умеет беречь тишину, кто чувствует, когда камень начинает светиться, кто слышит шёпот песка и знает,

что рядом те, кто не даст ветру стать слишком злым.

— Ладно, — буркнул он, но в голосе уже не было ворчливости. — Пусть будет настоящим по-своему. Пусть будет Бликсом. Пусть будет тем, кто делает этот камень светлее.

Бликс снова чуть пошевелился, будто понял имя, будто попробовал его на ощупь. И камень снова ответил — мягким, тёплым светом, будто сказал: да, это он.

Лумина улыбнулась — устало, счастливо, так, будто все тревоги вдруг стали маленькими и улеглись где-то в углу, не мешая дышать.

— Он уже настоящий, — прошептала она. — Он тут. Он наш.

Рунд кивнул, не доверяя своему голосу, и сел рядом, прижавшись боком к Лумине, чтобы Бликс чувствовал не только её тепло, но и его — грубоватое, надёжное, немного ворчливое, но своё.

Они сидели так, втроём, пока песок снаружи шуршал, пересыпаясь, будто рассказывал им свои старые истории, а металл остывал, щёлкая, будто вздыхал после долгого дня. И в этом тихом разговоре железа и песка, в этом мягком свете

камня, в этом крошечном комочке, который уже доверчиво прижимался к Лумине, было всё, что нужно: дом, тепло и тот самый свет, который не слепит, а согревает.

Ветер тронул их шерсть, не грубо, а осторожно, будто извинялся за все свои прошлые порывы. Песок шуршал, звёзды горели, а в их маленьком уголке теперь жило три сердца — два больших, которые знали, как беречь, и одно маленькое, которое училось, как быть дома.

Первый прыжок

День выдался на редкость спокойным. Ветер не злился, не швырял песок, а лишь тихо перебирал его, будто проверял, всё ли на своих местах. Рунд сидел у приоткрытого люка, насторожённо нюхал воздух и всё равно чувствовал, как внутри всё поджигается от желания держать мир под контролем. Но сегодня контроль был другим: не про страх, а про готовность. Потому что сегодня Бликс впервые решился выйти наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.